

ЖИВОЙ ШУКШИН

Минуло десять лет, как ушел от нас Василий Макарович Шукшин. Но благодарная память вновь и вновь возвращает нас к этому удивительному, большому, самобытному художнику и человеку.

В сегодняшнем номере мы публикуем воспоминания о Василии Макаровиче его друга киноактера Георгия Буркова.

СЕКРЕТОВ НЕ ИМЕЛ

Он очень болезненно переживал не терпящий возражений ярлык «деревенщик». Страшно возмущался, когда его так называли, — «будто загнали в загон, мол, не высовывайся. В деревне 80 процентов населения раньше жило, ну сейчас поменьше, а все 100 процентов — оттуда, так ведь это все не деревня, а народ. Какие же мы деревенщики, мы — народные писатели», — переживал Шукшин.

И все же случилось это еще при жизни Василия Макаровича. Набухшая почка лопнула, и в один миг по весне еще одно могучее дерево на земле зазеленело молодой сочной листвой. Но Шукшин так до конца об этом не узнал, о том волнении, которое внес в народ своими произведениями. «Калина красная» — сначала повесть, а потом фильм стали тем событием в духовной жизни народа, которое вдруг заставляет оглянуться и многое пересмотреть заново. А впереди был фильм о Степане Разине — давно уж выношенная, в муках и слезах рожденная песнь о воле...

Как-то Шукшин спросил меня: «А ты знаешь, что будешь знаменитым?». «Нет». — «А я знал...» Вот эта черта его характера — он точно представлял, кем хочет быть, что сделать, — оставляла впечатление о нем, как о человеке очень цельном, сильном. Как ни громко это звучит, но, по моему твердому убеждению, Шукшин был рожден духовником. Ведь может оттого так полемично его творчество, так пронизано полемикой потаенной, пересматривающей все обыденное, привычное. Он перемалывал то представление о жизни, которое существовало у многих.

Если попытаться как-то обозначить явление Шукшина, то для себя я предпочел бы такое неуклюжее, как авторское творчество. Снимался ли Шукшин

как актер, режиссировал ли фильм, писал ли рассказы или сценарий, он при всей разности этих занятий оставался Шукшиным. В каждом созданном им произведении, будь то написанная строка или сыгранный образ, обнаруживаешь черты его характера, его биографии. Шукшин секретов не имел. Садился и писал страничку, тут же читал — так без помарок потом и печаталось. И всегда получалось, что это произошло здесь, сейчас, где он сидел и писал. «Де третьих петухов» писалось на моих глазах, для меня, с учетом моих пожеланий и советов — вот что самое невероятное...

Вспоминалось: ведь и шукшинские рассказы — вся его проза — очень близки по духу к военным, послевоенным самодельным песням — в них через духовное раскрывалось гражданское, через нравственное — социальное. Они похожи даже по своему строению, как похожи на них старые русские народные драмы, сказки, сказания. Нет завязки, экспозиции — сразу события начинаются. С ходу. Шукшин не мог елозить, ему не терпелось. Проза Шукшина начинается как бы с середины — одна фраза, и мы уже оказываемся среди героев.

Скажем, любопытнейший герой из «Штрихов к портрету». Живет в райцентре, написал трактат «О государстве» — семь или восемь тетрадок написал, все над ним потешаются, издеваются, а он свое гнет. Когда дело до милиции дошло, то начальник — единственный, кто поинтересовался, что в этих тетрадках написано, — открыл одну и прочитал: «Я родился в бедной крестьянской семье, девятым по счету... Я с грустью и удивлением стал спрашивать себя: «А что было бы, если бы мы как муравьи несли максимум государству!» Вы только вдумайтесь: никто не ворует, не пьет, не лодырничает — каждый на своем месте кладет свой кирпичик в это грандиозное здание». Прочитал милиционер эти слова, подумал и взял с собой тетради домой — познаться. Выходит, не зряшным делом мыкался гражданин Князев, страдал, терпел унижения. В отчаянии крикнул, когда по улице вела: «Глядите, все глядите, Спинузу ведут». Вот и выходит, что вроде — шут гороховый, а на самом деле — философ, и трактат о государстве — не выдумка, а стоящее дело. Ведь только вдуматься: «Если бы каждый на своем месте...» Слова-то простые, живые. И мысль глубокая, народной мудростью рожденная.

Стремление через обыденное раскрыть философию жизни — качество всей нашей русской литературы. Шукшин пришел в литературу с пониманием, что значит маленький человек. Рассказ «Кляуза» — продвижение как раз по этой линии, крик души — в мелочи подметил явление.

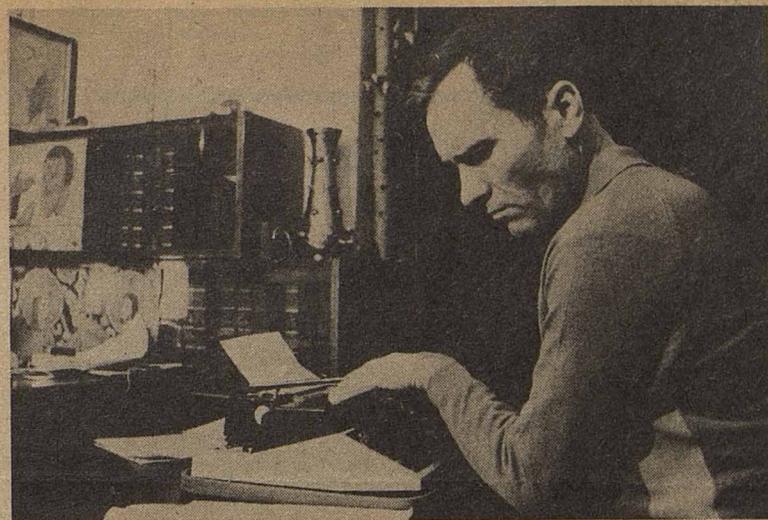
Шукшин отчетливо сознавал, куда он идет, что делает, но какая-то затаенная неуверенность не давала ему покоя, не хватало ему слова заветного. Быть может, его-то он ждал от Шолохова? Эта мысль постоянно будоражит, возвращает и возвращает к той встрече, которая состоялась в Вешенской, во время съемок «Они сражались за Родину». Вспоминаешь тот день, то волнение, которое мы испытывали перед встречей с Михаилом Александровичем. У Шукшина оно было особенным — очень переживал и, если говорить честно, надеялся на отдельную встречу, готовился к ней. Все думалось: вот-вот сейчас придет, позовет... Ждал, что Шолохов проявит инициативу... Но этого как-то не случилось. Шукшин корил себя за то, что признался мне в этом. Нервничал, что открылся, слабость проявил, злился на себя. Его надо было понять. Он как бы хотел что-то вроде благословения, чтобы Шолохов какое-то слово заветное ему сказал с глазу на глаз...

МЕЧТА О СТЕПАНЕ

Когда Шукшин делал в литературе первые шаги, ему безоговорочно поверили — уж слишком он все заземлил, забытовал и через это протащил...

По первому снегу глянули и пристроили в загончик «деревенщиков», потом востепенулись, посмотрели, а там целина, под снегом-то. Пахать ее еще да пахать, потому как Шукшин — философ народный от макушки до корней. Вроде читаешь — смешно, раз, другой прочтешь, глядь — заковырка, правду сказал. Слово важное, и тут же ирония, усмешка — вроде как дело шутейное, пустяк. А Шукшин кожу снимает, шелуху разную, чтобы до истины докопаться. Он как-то очень точно ноту взял.

Сколь одержим был Шукшин в творчестве, столь же неправдоподобно беззащитен в жизни — перед ней робел, стеснялся.

Но когда режиссировал, то это святое дело — здесь его поле деятельности, тут он законодатель. При всей его мягкости — был вежлив с актерами, со всей съемочной группой — Шукшин становился непреклонен в творчестве. Требовал знать текст буква в букву. Для него было важно и нужно снять точно. Даже если ошибался в выборе актера, особенно в начале работы, старался как-то незаметно отвести беду так, чтобы без ущерба делу и самому актеру, и все же не допустить чуждого вторжения. Прикрывал актера, отводил на второй план, гасил его, уважал чужой труд, чужое творчество.

Шукшин, когда снимал, то шел от актера: что-то такое заметное возникало — он это либо тут же в дело пускал или же фиксировал, оставлял на будущее. В первой нашей совместной работе, в фильме «Печки-лавочки», мой герой был поначалу, в сценарии, таким прикрасным «жориком» — не очень интересным. Попробовали сделать по-другому — вроде получилось. Василий Макарович изменил сценарий. Для меня это этапная роль.

А в другой раз, снимаясь в одном фильме, я репетировал сцену и вдруг заплакал. Шукшин увидел, потом и говорит: «Ты это особо не расходи. Ну чего там... Ты побереги, на будущее пригодится». Но в этом он увидел не просто способность заплакать.

Последнее время болел Степаном Разиным. Казалось, его разорвет от той могучей силы энергии души, таланта, которая скопилась и готова выплеснуться наружу, воплотиться в фильм. Был наполнен радостью, что не за горами суждено мечте сбыться.

Лида Федосеева — жена Ва-

силия Макаровича — рассказывала: когда Шукшин заканчивал роман, то последнюю главу ночью писал: «Просыпаюсь, четыре утра. Слышу, где-то ребенок рыдает. Я на кухню, гляжу — плачет. Спрашиваю, что случилось?». «Такого мужика загубили, сволочи». Любовь к Разину раздирала сердце. Как тонко ведет его Шукшин в романе, обходя все рифы, зверства, которые могли бы скомпрометировать Разина, и выводит его на главное центральное место.

Шукшин долго мучился, обдумывая, как снять казнь Разина, потом сказал: «Нет, я это снимать не буду. Этого я физически не переживу, умру». Потом он обдумывал другой конец. Страннику, который направляется в Соловки молиться, Степан Разин наказывает: «Помолись и за меня» — и дает серый мешок с чем-то тяжелым. Приходит странник в монастырь — вот, мол, пришел, помолиться за себя и за Степана Тимофеевича Разина. И дар от него принес...

— Какой дар? Его самого уже в живых нет... Казнен...

— Долго же я шел, — удивился странник и достал из мешка дар, и поднял его над головой — огромный золотой поднос переливался, как солнце...

Потом Шукшин рассказывал о том, как будет снимать казаков, которые переправляются, стоя на лошадях, через Дон. Поднимается над рекой пар, стелется над поверхностью, и вдруг появляется в дыму фигура одного, второго, третьего, и вот уже целое войско казаков будто по воде идет, по самой дымке. Неторопливо приближается... А потом туман начинает подниматься, и показываются над водой головы плывущих лошадей, а на них казаки стоят...